

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ

1-ТОМ АНТИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Метафизика. Часть 1

Цель – рассмотрение основных элементов античной метафизики, связанных с проблемами бытия в философии Парменида и Платона.

План

1. Онтология как центральная тема метафизики.
2. Онтология Парменида.
3. Онтология Платона.

Ключевые слова: онтология, бытие, небытие, существование, универсальность, неизменность, вселенский поток.

Данная лекция посвящена вопросам античной метафизики, в частности, онтологическим проблемам в философии Парменида и Платона, рассмотренным Энтони Кенни в шестой главе его книги.

Слово «метафизика» происходит от общего названия четырнадцати книг Аристотеля, которые издатель Аристотеля назвал «*Ta meta ta phusika*» – «после физических» или «те, что идут после физических» – где под последними имеются в виду книги, входящие в состав того, что мы сегодня называем «Физикой» Аристотеля. Это название, вероятно, должно было предупредить изучающих аристотелевскую философию, чтобы они не брались за «Метафизику» до усвоения «физических сочинений», книг о природе естественного мира, т. е. об изменении, так как изменение является определяющей чертой естественного мира.

Греческая именная группа во множественном числе «*ta meta ta phusika*» стала в средневековой латыни единичным существительным «*metaphysica*» – подобно тому как греческое множественное «*ta biblia*» (книги), стала сингулярным латинским «*biblia*» (Библия). Это слово использовалось как для отсылки к названию книги Аристотеля (представлявшейся теперь чем-то единым), так как и для обозначения «науки», которой была посвящена эта книга. Именование «метафизики» во всех современных европейских языках адаптирует латинское слово к орфографическим и фонетическим требованиям соответствующего языка. Это верно и для существующих в Европе неиндоевропейских языков (вроде финского или венгерского). А вот в работах, написанных на некоторых неевропейских языках, используются слова, образуемые местными составляющими, как для перевода европейского слова «метафизика», так и для отсылки к сочинениям их собственных философских традиций, предмет которых сходен с предметной областью западной метафизики. К примеру, китайское выражение, которым обычно переводят слово «метафизика», является аллюзией на высказывание из «И Цзин»: «то, что выше материи, есть Дао». На арабский «метафизика» обычно переводится словом, означающим «наука о божественных вещах». В отличие от китайского выражения и арабского слова, европейские слова, производные от «*metaphysica*», однако, не несут внутренних указаний относительно своего значения.

Можем ли мы сказать, что слово «метафизика» – это обозначение той науки (той *episteme*, той *scientia*, того исследования, той дисциплины), предмет которой является предметом аристотелевской «Метафизики»? Сказав так, мы вынуждены будем принимать тезисы такого рода: «Предмет метафизики – бытие как таковое»; «Предмет метафизики – первые причины вещей»; «Предмет метафизики – то, что не подвержено изменению». Любой из этих тезисов мог рассматриваться как небезосновательная характеристика предмета того, что называлось «метафизикой» – вплоть до XVII века, когда, весьма неожиданно, многие темы и проблемы, которые Аристотель и средневековые авторы сочли бы физическими (к примеру, отношение между сознанием и телом, или свобода воли, или тождество личности во времени), начали «перераспределяться» метафизике. Кажется, будто в XVII веке «метафизика» становится категорией, играющей роль остаточного контейнера, собранием философских проблем, которые в ином случае не могли бы быть классифицированы: «не эпистемология, не логика,

не этика...». (Примерно в это время было изобретено слово «онтология» – для именовании науки о сущем как таковом, для осуществления функции, которую уже не могло осуществлять слово «метафизика»). Университетские рационалисты пост-лейбницевской школы осознавали, что слово «метафизика» стало использоваться в более широком смысле, чем прежде. Христиан Вольф пытался оправдать этот более широкий смысл следующим способом: хотя предметом метафизики является бытие, бытие можно исследовать либо в общем, либо по отношению к каким-то конкретным категориям объектов. Он проводил различие между «общей метафизикой» (или онтологией), исследованием бытия как такового, и различными ветвями «частной метафизики», исследующими бытие тех или иных разновидностей объектов, такие как души или материальные тела.

Более широкое применение слова «метафизика» объясняется тем, что слово «физика» становилось названием новой, количественной науки, науки, называемой «физикой» и в наши дни, и все меньше подходило для обозначения исследования множества традиционных философских проблем, имеющих отношение к изменчивым вещам. Но в чем бы ни состояла причина этого изменения, явным противоречием нынешнему употреблению (а в действительности и употреблению, принятому в последние триста или четыреста лет) было бы утверждать, что предмет метафизики должен совпадать с предметом аристотелевской «Метафизики» (или что им должно быть «надматериальное» или «божественные вещи»). Такое утверждение к тому же противоречило бы тому факту, что в нынешнем смысле этого слова существуют и существовали эталонные метафизики, отрицавшие наличие первых причин – подобное отрицание уж точно является метафизическим тезисом в нынешнем смысле, или настаивавшие, что все меняется (Гераклит и любой современный философ, являющийся одновременно материалистом и номиналистом), а также отрицавшие (Парменид и Зенон) существование особого класса объектов, которые не подвержены никакому изменению.

Энтони Кенни пишет, что центральной темой метафизики является онтология: изучение бытия. Слово «онтология» происходит от греческого слова «он» (во множественном числе «онта»), которое является причастием настоящего времени от «einai», глагола «быть». На греческом, как и на английском языке, определенный артикль может быть помещен перед причастием, чтобы выделить класс людей или вещей. Основателем онтологии был Парменид, он определил свою тему, поместив определенный артикль «то» перед причастием «он». «То он», буквально «бытие», означает: всё, что есть. Было принято переводить это выражение на английский язык как «Бытие» с заглавной буквы. Без заглавной буквы, английское слово «бытие» в философии имеет два смысла, один соответствует греческому причастию, а другой – греческому неопределенному глаголу. Бытие (можно сказать, используя причастие) есть индивидуум; тогда как, бытие (с помощью неопределенного глагола) – это, то, чем индивидуум занимается. Совокупность отдельных бытии составляет Бытие.

Эти, довольно утомительные, грамматические различия, нужно делать, потому что пренебрежение ими может привести и приводило даже великих философов к путанице. Для того, чтобы понять Парменида, нужно сделать еще одно важное различие – различие между бытием и существованием.

«Быть» на английском языке и его эквивалент на греческом языке, безусловно, может означать «существовать». Так, Вордсворт говорит нам, «она жила безвестно, и мало кто мог знать, когда Люси перестала быть». В английском языке распространено поэтическое использование глагола «быть», но неестественно говорить такие вещи, как «пирамиды есть, но Колосса Родосского нет», когда мы имеем в виду, что пирамиды все еще существуют, тогда как Колосса уже нет. Но аналогичные утверждения были бы вполне естественными в древнегреческом языке, и это понятие «быть», безусловно, присутствует в Парменидовых разговорах о бытии. Всё, что есть, всё, что существует, включено в бытие.

Однако греческий глагол «to be» встречается не только в таких предложениях, как «Трой более нет», но и в предложениях многих различных видов, таких как «Елена прекрасна», «Афродита – богиня», «Ахиллес храбр», и так далее, через все различные формы, которые Аристотель удостоил как категории. Для Парменида бытие – это не только то, что существует, но и все предложения, в которых присутствует глагол-связка «есть». Равным образом, бытие не просто существует, но может быть всем, чем угодно: быть горячим или быть холодным, быть

землей или быть водой, и так далее. В такой интерпретации, бытие – и богаче, и загадочнее, чем совокупность всего существующего.

Давайте теперь подробно рассмотрим некоторые из таинственных утверждений Парменида, выраженных в его стихах, который Кенни перевел следующим образом:

То, что вы можете назвать и подумать, должно Быть,
Ибо Бытие может, а ничего не может быть.

Первая строка (буквально: «что говорить и думать должно быть») выражает универсальность бытия: все, что можно назвать любым именем, все, что вы можете придумать, должно быть. Почему так? Вероятно, потому, что если я произнесу имя или мысль, я должен быть в состоянии ответить на вопрос – Что это, о чем вы говорите или думаете? Сообщением второй строки (буквально «это для того, чтобы быть, но ничего нет») является то, что все, что может быть вообще, должно быть чем-то или другим; это не может быть просто ничто.

Дело становится яснее, когда Парменид, в более позднем фрагменте, вводит отрицательное понятие, соответствующее не-бытию.

Никогда не будет превалировать то, чем небытие является;
Обуздай свой разум от любых подобных мыслей.

Небытие представляет собой отрицание причастия Парменида (*me eonta*). Контекст дает понять, что греческое выражение Парменида, хотя и совершенно естественное, предназначено для обозначения полярной противоположности бытия. Если бытие обозначает истинность того, что существует, то небытие обозначает то, существование чего неистинно. И это, конечно, нонсенс: не только его не существует, о нем даже и думать нельзя.

Небытие вам не понять – это невозможно,
Не произносите; мысль и бытие – одно.

Если мы поймем «небытие» в том смысле, что ему нельзя дать никакого определения, что оно невозможно, то это, безусловно, правильно, сказать, что это что-то невысказанное. Если, в ответ на Ваш вопрос: «о какой вещи вы думаете?», – я отвечу, что это никакая не вещь, вы будете озадачены. Если, дальше, я не смогу объяснить вам, каково оно, или, действительно, не смогу сказать вам что-нибудь вообще об этом, вы можете справедливо заключить, что я не думаю ни о чем, или, на самом деле, вообще не думаю. Если мы понимаем Парменида в этом смысле, мы можем согласиться с тем, что думать и существовать – неразрывно связаны.

Из принципа «ничто не может исходить из ничего» многие философы различных убеждений сделали вывод о том, что мир должен был существовать всегда. Другие философы тоже перешли на сторону поддержки аргумента, что не может быть достаточного основания, чтобы считать, что мир пришел к существованию в один момент, а не в другой, раньше или позже. Но утверждение Парменида, что существование не имеет начала и конца, приняло широкую форму. Бытие не только вечно, оно не подвержено изменениям («основательное, непоколебимое») или даже течению времени (это все сейчас, и не имеет прошлого или будущего). Что может отличать прошлое от настоящего и будущего? Если это не вид бытия, то время нереально; если это какой-то вид бытия, тогда это все – часть Бытия. Прошрое, настоящее и будущее – это всё одно Бытие. Подобными аргументами Парменид стремился показать, что Бытие неразделимо.

Парменид и его ученики, в греческой Италии, считали, что только то, что является абсолютно стабильным, реально, а Гераклит, в греческой Азии, утверждал, что то, что реально, находится в потоке всеобщего изменения. Гераклит говорил загадками: чтобы выразить свою философию всеобщего изменения, он использовал и огонь, и воду как образы. Мир – это вечно живущий огонь, то возгорающийся, то угасающий. Но мир также постоянно текущая река. Если вы входите в реку, вы не можете войти дважды в одну и ту же воду. Увлекаясь своей метафорой, Гераклит говорит (если Платон правильно доводит его слова до нас), что нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Как бы то ни было, он, несомненно, утверждал, что все вещи находятся в движении все время. Если мы не замечаем этого, то, скорее, из-за дефектов наших чувств. Для Гераклита, изменение – это путь истины, а стабильность – это путь кажущегося.

Парменид и Гераклит положили начало философским битвам, которые продолжались на протяжении веков. Большая часть самых энергичных философствований Платона была посвящена задачам примирения или разоружения этих двух чемпионов. Один из его персонажей говорит нам, что истинный философ должен отказаться либо от учения о том, что вся реальность неизменна, либо от учения, что реальность везде меняется. «Как ребенок, который хочет и сохранить пирог, и съесть его, он должен сказать, что бытие есть сумма всего, и того, что неизменно, и того, что в изменениях».

Аристотель говорит, что Платон начал философствовать под влиянием Гераклита, и пронес его идеи через всю свою жизнь. В «Теэтете» Платон выдвигает теорию восприятия, в которой стремится сохранить истину в озарениях Гераклита, не принимая его вселенского потока. Кенни уделяет внимание этой проблеме в следующей главе своей книги, концентрируясь здесь на парменидовских вопросах.

За свою жизнь Платон сделал три систематические попытки справиться с метафизическими вопросами, поднятыми двумя гигантами. В первый раз – в теории идей, представленной в «Симпозиуме», «Федоне» и «Государстве». Вкратце можно сказать, что на этом этапе Сократ Платона разделил философию на два раздела, и вручил интеллигибельную Вселенную идее Пармениду, а воспринимаемую Вселенную чувств – Гераклиту. Во второй попытке сам Парменид в диалоге его имени, представляет Сократу некоторые неприемлемые последствия теории идей. В последней попытке, в «Софисте», третий герой, неназванный незнакомец из Элеи, приводит нас к отречению не только от Парменида и Гераклита, но и от теории идей Платона, в пользу сложного решения, которое заменит все три и позволит нам и сохранить наш метафизический торт и съесть его.

Кенни уделяет пристальное внимание двум последним попыткам Платона, детально рассматривая его диалоги «Парменид» и «Софист». Возвращаясь к теории идей Платона, которую он анализировал в первой главе своей книги, Кенни останавливается на отношениях между разными формами, которыми Платон интересуется в «Софисте» и «Пармениде». Платон описывает эту тему как «переплетение форм», которое лежит в основе языка. Мы копаем яму для себя, если предполагаем, что никакие формы не могут сочетаться друг с другом, или, наоборот, все они сочетаются между собой. Ясно, что некоторые могут, а некоторые нет, и нам нужно узнать, какие формы могут сочетаться с какими другими формами. Бытие (to on) занимает центральную роль в этом вопросе, так же, как Единое (to hen) в «Пармениде». Но, в дополнение к бытию, рассматриваются и исследуются взаимосвязи четырех других форм – движения, покоя, тождества и различия.

Разница имеет решающее отношение к бытию. Когда мы говорим о том, чего нет, мы не говорим о небытии, противоположном бытию, мы говорим просто о чем-то, что отличается от того, что есть. Некрасивое отличается от красивого, или, несправедливое – от справедливого, но это не означает, что некрасивое и несправедливое менее реальны, чем красивое и справедливое. Если мы сложим вместе все вещи, которые не существуют, или, не являются чем-то, мы получим категорию небытия, которая так же реальна, как и категория бытия. Таким образом, мы освобождаемся от ловушки, в которую завел нас Парменид, – считает Кенни.

Мы теперь в состоянии дать отчет о лжи в мысли и в речи. Проблема была в том, что не было возможности думать или говорить о том, чего нет, потому что небытие было nonsensom. Но теперь, когда мы обнаружили, что не-быть совершенно реально, мы можем использовать это для того, чтобы объяснить ложные мысли и ложные предложения. Типичное предложение состоит из существительного и глагола, и оно что-то говорит о чем-то. «Теэтет сидит» и «Теэтет летит» – оба предложения о Теэтете, но одно из них верно, а другое ложно. Они говорят разные вещи о Теэтете, истинное предложение говорит о том, что ему присуще, в то время как ложное предложение говорит о том, что ему не присуще. «Летать» не является небытием, это вещь, которая существует, но это не та вещь, которую можно сказать о Теэтете, она отличается от того, что действительно можно сказать о Теэтете.

Время от времени в «Софисте» Платон описывает споры между противоборствующими философскими группировками по поводу природы бытия. В одном месте это битва между великанами и богами; великаны, будучи материалистами, думают, что нет ничего, кроме тел, а Боги – идеалисты, принимающие телесные формы, описанные в теории идей. В других местах

материалисты появляются под руководством Гераклита, как сторонники универсального потока (так как все тела постоянно меняются), а руководителем сторонников Формы представляется Парменид, с его учением, что вся реальность неизменна. В конце концов, нам говорят, что истинный философ должен быть глух к Гераклиту, а также отвергнуть учение о том, что вся истинная реальность неизменна, выдвигается ли чемпион одиночной формы (Парменидом), или чемпионом многих форм (теорией Платона).

«Софист» показывает нам, как и сохранить наш торт, и съесть его, сказав, что Бытие охватывает все, что является неизменным, и все, что есть в изменениях.

Вопросы для закрепления темы

1. Что означает понятие «метафизика»?
2. Что является центральной темой метафизики античности?
3. Почему Кенни уделяет внимание грамматическим различиям в греческом и английском языках?
4. Как понимает Парменид понятие бытия?
5. В чем разница между бытием и небытием, по Пармениду?
6. Чем отличаются понимания бытия у Парменида и у Гераклита?
7. Какова взаимосвязь бытия и мышления, по Пармениду?
8. Какие систематические попытки делал Платон, чтобы справиться с метафизическими вопросами, поднятыми Парменидом и Гераклитом?
9. На чем основывается онтология Платона?

Литература

1. Anthony Kenny. Ancient Philosophy: A New History of Western Philosophy, Volume 1.– Oxford University Press. – 2014. – 368 p.
2. Кенни Э. Батыс философиясының жаңа тарихы, 1 том, Антика философиясы. – Алматы: «Ұлттық аударма бюросы» қоғамдық қоры, 2018. – 408 б.
3. <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B5%D1%82%D0%B0%D1%84%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D0%BA%D0%B0>
4. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. / Пер. и прим. М. Л. Гаспарова. Общ. ред. и вступ. ст. А. Лосева. (Серия «Философское наследие»). – М., Мысль, 1979. – 624 с.
5. Чанышев А. Н. Курс лекций по древней философии. – М., 1981.
6. Adler, M. Aristotle for everybody. Difficult Thought Made Easy. Published June 1st 1997 by Touchstone (first published 1978).